

бросая какой-нибудь свой подпилокъ на рабочій столъ онъ говаривалъ:

— Нѣтъ, провались ты эта гадость!.. Выгоды отъ ремесла, какъ отъ козла молока, а и глаза болятъ, и грудь сохнетъ! (Ермолай Ивановичъ дѣйствительно покашливалъ). Нѣтъ, братцы, «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ» — вѣрно сказано, ей-Богу!.. Въ самую линію, какъ хочешь верти!.. За грошъ на этакую-то работъ съ тобой торгуются, норовятъ еще за починку-то съ тебя на чай получить, а ты тутъ околѣвай!.. Да что я имъ дался за тряпица — въ самомъ дѣлѣ?..

И вотъ поэтому-то Ермолай Ивановичъ, какъ намъ казалось, въ серьезъ разрабатывалъ проектъ маленькой фабрички, гдѣ онъ и самъ съ семьей работалъ бы, что можно, и рабочаго онъ не сталъ бы тѣснить, какъ «здѣшніе идолы»...

Понятно, что я рѣшительно недоумѣвалъ, слушая его плачевныя, покаянныя тирады... Я долго старался своей ребячьей головою уразумѣть, что за причина страданій Ермолая Ивановича; а не видѣть, что онъ иногда мучительно страдалъ, нельзя было даже намъ, малымъ ребятамъ. Я долго думалъ, почему «нечистое» дѣло производство крахмала, и ничего придумать не могъ... Ужъ позднѣе я догадался въ чемъ суть, но смѣло ручаюсь, что самъ Ермолай Ивановичъ едва ли могъ бы «открыться» Петрухѣ и рассказать такъ же ясно, какъ иногда многое рассказывалъ, почему «картофельный крахмаль» — дѣло нечистое?..

Я не знаю, что случилось съ юношей. Помню только, что онъ не завелъ крахмального производства, хотя и отдѣлился отъ дяди. Онъ пропалъ изъ города, и не знаю, являлся ли туда, знаютъ ли о немъ тамъ что-нибудь теперь...

Такъ ли, саякъ ли, но общество Ермолая Ивановича рѣдѣло все больше. Только мы оставались вѣрны этому, выбитому изъ колеи человѣку.

— Да вѣдь вы, ребятки, люди, какъ я же, пропаціе, коли вотъ на книжки устремитесь, да думать начнете; тутъ ужъ я ничѣмъ повредить не могу... А то вѣдь, братцы, я и васъ бы прогналъ!.. Одинъ бы совсѣмъ съ своей старухой остался!..

Начальство все строже относилось къ нашему шатанью къ часовщику, но какъ же мы могли не шататься къ нему, когда и онъ, и старушка мать его, встрѣчали насъ всегда съ самой сердечной лаской, съ участливою внимательностью къ нашимъ маленькимъ нуждамъ и дѣтскимъ печаламъ. Какъ было не бѣгать изъ нашей смрадной квартиры, гдѣ шло сплошное, явное пьянство, драки, а наша квартира вовсе не была